

Агрессор и жертва: психоморфологический портрет московского школьника*

Буркова Валентина Николаевна, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Центра кросс-культурной психологии и этологии человека¹,
старший научный сотрудник Международного центра антропологии²

¹Института этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН)

²Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Аннотация. В данной статье представлены первые результаты исследования, проведенного методами прямого не-включенного наблюдения за агрессивным и пост-конфликтным поведением московских дошкольников и младших школьников (мальчиков) с целью выявления вклада морфологических (размеры тела) и психологических (агрессивное и пост-конфликтное поведение, социальный статус) характеристик человека в экспрессию агрессии и примирения.

Ключевые слова: агрессия, примирение, пост-конфликтное поведение, размеры тела, социальный статус, мальчики, русские

Aggressor and victim: Psychomorphological Portrait of a Moscow Schoolboy

Burkova Valentina N.

Institute Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences;
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. This article presents the first results of a study collected by methods of direct non-included observation of aggressive and post-conflict behavior of Moscow preschoolers and primary schoolchildren (boys) in order to identify the contribution of morphological (body size) and psychological (aggressive and post-conflict behavior, social status) characteristics of a person in the expression of aggression and reconciliation.

Keywords: aggression, peacemaking, post-conflict behavior, body size, social status, boys, Russian.

DOI: 10.5281/zenodo.5497564

Введение

Изучение агрессивного поведения в мировой научной литературе много десятилетий не теряет своей актуальности в самых разных научных направлениях (психология, антропология, этология, генетика, социология и т.д.). В условиях роста насилия внутри общества научное понимание стратегий агрессии и примирения имеет исключительное значение.

В последние десятилетия вышло несколько авторитетных лонгитюдных исследований по агрессии и противоправному поведению, осуществленных в разных странах мира (Bergman, Andershed, 2009; Butovskaya et al., 2013; Crick et al., 2006; Farrington et al., 2009; Ferguson & Wang, 2019; Huesmann et al., 2009; Lefkowitz et al., 2013; и др.). Большой пласт работ посвящен проблемам травли в школе и возможности ее предотвращения и коррекции (Olweus, 1978; Sharp, Smith, 2002; Вишневская, Бутовская, 2010; Бутовская, Русакова, 2016; Klein et al., 2012; Schott, Søndergaard, 2014; Kim 2018; и др.).

Эволюция человека развивалась в сторону разработки стратегий и оптимальных механизмов, позволяющих предотвратить эскалацию напряженности в повседневной жизни группы, остановить конфликт и примирить агрессора с жертвой (Бутовская 1999). Исследования среди детей и подростков в разных культурах показали, что социальный статус ребенка в группе зависит от избираемых им форм агрессии по отношению к сверстникам, а также от умения улаживать как собственные конфликты, так и между

другими членами группы, тем самым поддерживая социальное равновесие (Буркова 2017; Butovskaya et al. 2007).

Исследователи агрессивного поведения давно обратили внимание на размеры тела человека как один из возможных факторов, влияющих на поведение агрессора и жертвы. В работах основоположника конституциональной психологии У.Г. Шелдона отмечалось, что юноши-правонарушители более худы и мускулисты (Sheldon 1949). В исследовании 1978 г. продемонстрировано, что несовершеннолетние преступники – это более крупные люди, с большей жировой и мышечной массой по сравнению с контролем (Ксенофонтова 2015; Shasby 1978). Схожие результаты получены и в более поздних работах (Eysenck, Gudjonsson 1989; Sanson et al. 1993; Wilson, Herrnstein 1998). Работы, использующие непосредственные измерения размеров тела в сочетании с психологическими опросами или экспериментальными методиками показали, что дети с избыточным весом подвержены значительно большему риску появления поведенческих проблем, в том числе агрессии (Bin et al. 2005; Epstein et al. 1995).

Психологические исследования в целом показывают зависимость между размерами тела и агрессией у детей и подростков, однако результаты довольно противоречивы: одни указывают, что высокий индекс массы тела является показателем повышенного уровня травли со стороны сверстников (Pearce et al. 2002), в других показано повышение уровня агрессии по отношению к сверстникам только у девушек с большими размерами тела, но не у юношей (Pinhey 2002), в

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-09-00461.

третьих работах связи размеров тела и агрессии не обнаруживается (Vila et al. 2004), в четвертых данные корреляции наблюдаются только в определенных возрастных группах (Gallup, Wilson 2009, Tremblay et al. 1998, Raine et al. 1998). Стоит отметить, что многие работы имеют существенные ограничения – не учитывается культурный фактор (смешанные по этническому и расовому признакам выборки), не контролируются средовые факторы (экономические, семейные условия), используются разные методики измерения, смешиваются разные возрастные группы (см. подробнее Буркова 2020а). В нашей предыдущей работе, где мы попытались минимизировать ограничения и провели непосредственные измерения размеров тела на этнически однородной выборке детей и подростков, было показано, что морфологические показатели – размеры тела (рост, вес, индекс массы тела) – оказывают воздействие как на агрессивное поведение, так и на социальный статус (популярность и непопулярность) детей и подростков среди сверстников (Буркова 2020б,в). Более высокие и крупные юноши имели более низкие самооценки по агрессии, тогда как низкие и худые мальчики были более враждебны и склонны к дракам и ссорам. Подобные тенденции наблюдались и у девочек по шкале физическая агрессия (Буркова 2020б). Высокий рост у девочек был значимо связан с высокими оценками по вербальной агрессии (крики, обзывания, оскорбления, высмеивания) (Буркова 2020б). Анализ взаимосвязи социального статуса московских школьников и размеров тела показал наличие значимых морфологических предикторов роста, веса, ИМТ для социального статуса в подростковом возрасте – более высокие и крупные школьники имели более высокий социальный статус по оценкам их одноклассников, тогда как самые невысокие и имеющие меньший вес были непопулярны (Буркова 2020в). Таким образом, возраст оказался более значимым показателем, чем пол – взаимосвязи социального статуса и морфологических параметров наблюдались в подростковом возрасте (12–13 и 14–15 лет) – период, когда значительно повышается интерес к своему внешнему виду и к противоположному полу, ведущей деятельностью становится общение со сверстниками, степень признания среди них.

Все вышеперечисленные исследования в основном проводились на данных самооценки детей и подростков своего поведения или в экспериментальных условиях. Цель данной работы – на основе невключенного наблюдения за поведением детей (мальчиков) проанализировать стратегии агрессии и примирения с учетом размеров тела относительно друг друга. Прямое наблюдение за поведением позволит количественно и качественно описать разные формы агрессивного и пост-конфликтного поведения, исключив субъективную оценку своего поведения респондентом, показать как в реальной жизни, а не в искусственно созданной среде, происходят агрессивные и пост-конфликтные взаимодействия между детьми.

Респонденты и методы

Данные собраны в 2019–2021 гг. на детских площадках г. Москвы. Всего зафиксировано 75 конфликтов между мальчиками. Возраст респондентов варьировал от 5 до 12 лет (дошкольный и младший школьный возраст).

Для фиксирования агрессивного и пост-конфликтного поведения был использован метод прямого невключенного наблюдения за участниками конфликта (сплошное протоколирование и фиксация ключевых форм исследуемого поведения) в естественных условиях свободного взаимодействия

на детских площадках. При данном наблюдении использован специально разработанный бланк регистрации форм поведения (этограмма), учитывающий следующие данные: место и время конфликта с фиксацией элементов поведения от начала конфликта до его завершения, характеристики агрессии (виды используемой физической и вербальной агрессии), пол, возраст, участие третьих лиц в конфликте, размеры тела участников конфликта (пара относительно друг друга), причина конфликта (при возможности ее установить), роли участников конфликта (агрессор, жертва), характеристики невербальной коммуникации (контакт глазами, тактильный контакт), социальный статус участников (пара относительно друг друга).

Наблюдение за парой начиналось в тот момент, когда происходил конфликт в любой форме (физической или вербальной) и продолжалось 20 минут. Наблюдение прекращалось раньше, если пара помирилась за более короткое время и ссора закончилась, или кто-либо из участников ушел и более не возвращался, или конфликт начинался заново после уже случившегося примирения (такие случаи дополнительно фиксировались как повторный конфликт). Наблюдение велось только за детьми, внешне не отличающимися по этническому признаку (условно русскими), чтобы исключить влияние этнического фактора. Смешанные по этническому признаку пары не учитывались.

Полученные данные были обработаны с помощью статистической программы SPSS-27.

Результаты и обсуждение

Всего было зафиксировано 75 конфликтов среди мальчиков. Их них 50 конфликтов (66,7%) закончились примирением между участниками, 24 конфликта (32%) – участники не помирились друг с другом (в том числе и по причине ухода одного из участников конфликта), в 1 случае в конфликт вмешался взрослый, однако фактически примирения не произошло. Надо отметить, что в случае примирения враждующих сторон время от начала конфликта до примирения у детей дошкольного и младшего школьного возраста было короткое – в среднем конфликт оканчивается через 1 минуту 12 секунд после начала, при этом самый длинный конфликт с примирением длился 4 минуты 32 секунды, самый короткий – 5 секунд (примирение произошло сразу после конфликта). Предыдущие исследования показали, что стресс от случившегося наблюдается и у агрессора, и у жертвы, и сохраняется до момента примирения (Aureli, Smitsny, 2000). Повышение тревоги у обоих оппонентов после конфликта приводит к тому, что примирение происходит достаточно быстро. Например, калмыцкие дети также инициировали примирение в пределах одной минуты после конфликта (Butovskaya, 2001).

Наиболее частой причиной конфликта являлся целенаправленный буллинг/издевательство (33,33% конфликтов), конфликт во время игры (21,95%), конфликт из-за какого-либо предмета/игрушки (22,76%).

В 78,00% (96 конфликтов) случаев в конфликтах агрессор использовал физическую агрессию, тогда как со стороны жертвы только в 53,70% (66 конфликтов) также была применена физическая агрессия. Наиболее часто используемая физическая агрессия со стороны мальчиков-агрессоров – это толкание (30,77%), битье руками (20,00%) и выкручивание/вырывание чего-то из рук (15,38%) и битье ногами (15,38%) (рис. 1). Жертвы чаще практикуют выкручивание/вырывание что-то из рук (29,23%), толкание (23,08%) и битье руками (21,54%) (рис. 2).

Рис. 1. Типы используемой агрессором физической агрессии

Рис. 2. Типы используемой жертвой физической агрессии

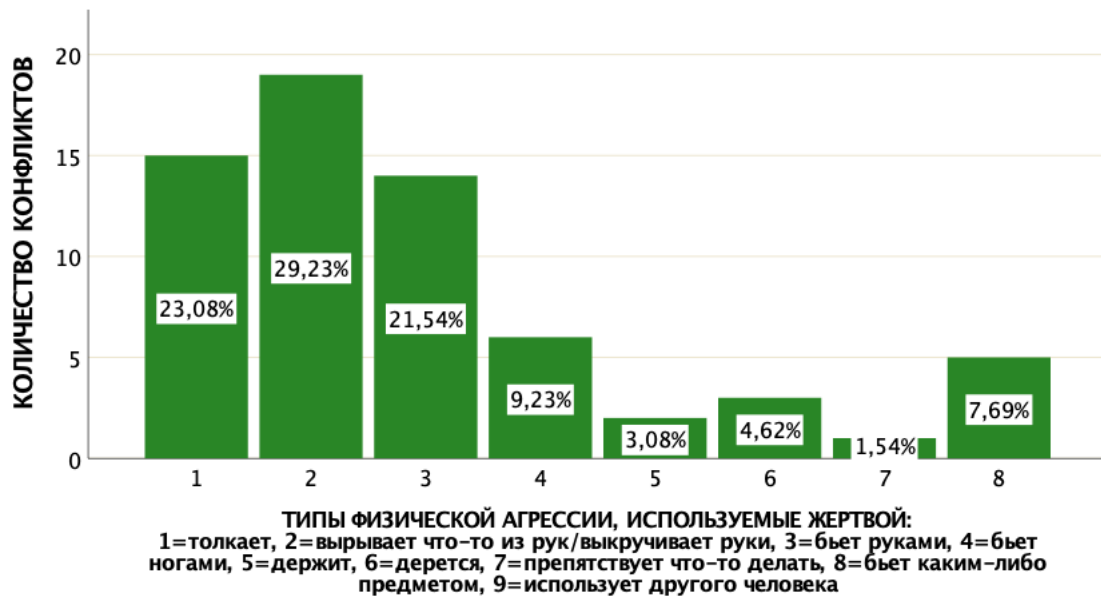

Рис. 3. Типы используемой агрессором вербальной агрессии

Относительно вербальной агрессии, агрессоры также гораздо чаще используют ее, чем жертвы (64,7% и 50,0%, соответственно), предпочитая обзывания соперника (32,56%), крики (23,26%) и поддразнивания (23,26%) (рис. 3). Жертвы чаще всего в ответ используют крики (37,14%) и обзывания (34,29%) (рис.4).

Разница в размерах тела (росте и весе) между агрессором и жертвой кодировалась для каждого эпизода (выше-ниже, крупнее-меньше). Эти категории служили индикатором дисбаланса сил между агрессором и жертвой. Наблюдения показывают, что в 41,33% случаев всех конфликтов рост агрессора был выше, чем жертвы. Также и вес агрессора в 41,33% случаев был выше, чем у жертвы (рис. 5-6). Схожие результаты были показаны в одном из редких исследований,

использующих видеонаблюдение за детьми – на камеру фиксировались издевательства (травля) в классе среди детей 6-12 лет. В случае, когда исследователи могли оценить разницу в росте и весе, агрессоры в классе часто оценивались как более высокие и тяжелые, чем их жертвы (Atlas, Pepler, 1998). Одна из теорий предполагает, что более высокий и крупный ребенок на собственном опыте усваивает, что агрессия является эффективной стратегией для победы в социальных конфликтах (Raine et al. 1998). Размеры тела используются детьми и подростками как индикаторы агрессора - с одной стороны, его стараются избегать, однако, если это популярный агрессор, его подпускают на близкое расстояние как статусного члена группы (Буркова, Бутовская 2017; Burkova et al. 2012).

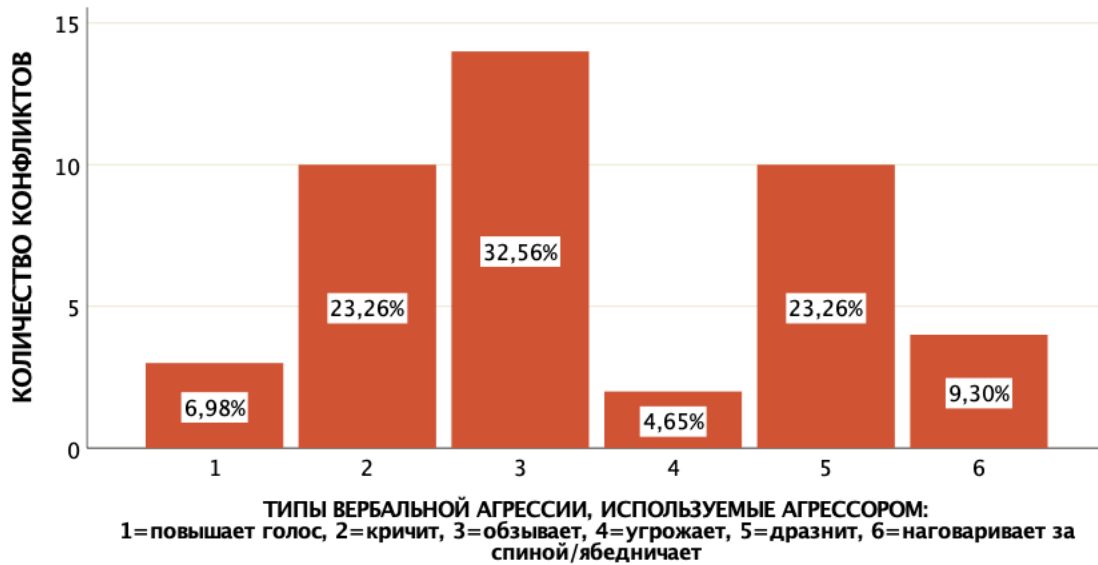

Рис. 4. Типы используемой жертвой вербальной агрессии

Рис. 5. Соотношение роста агрессора и жертвы

Отдельно стоит отметить, что несмотря на инициирование конфликта со стороны агрессора, в большинстве случаев (62%) и примирение происходит по его инициативе, и только в 20% случаев жертва сама готова начать примирение (рис. 7). Среди видов животных, для которых характерны иерархические жесткие, деспотические отношения между членами группы (резусы, яванские, японские макаки) агрессоры

часто выступают инициаторами примирения, так жертвы боятся сами приближаться к агрессору, чтобы не спровоцировать нового нападения. У человека это происходит скорее благодаря развитию рассудочной деятельности и эмпатии – агрессоры испытывают чувство вины и стараются поскорее нивелировать конфликт (Butovskaya, 2001).

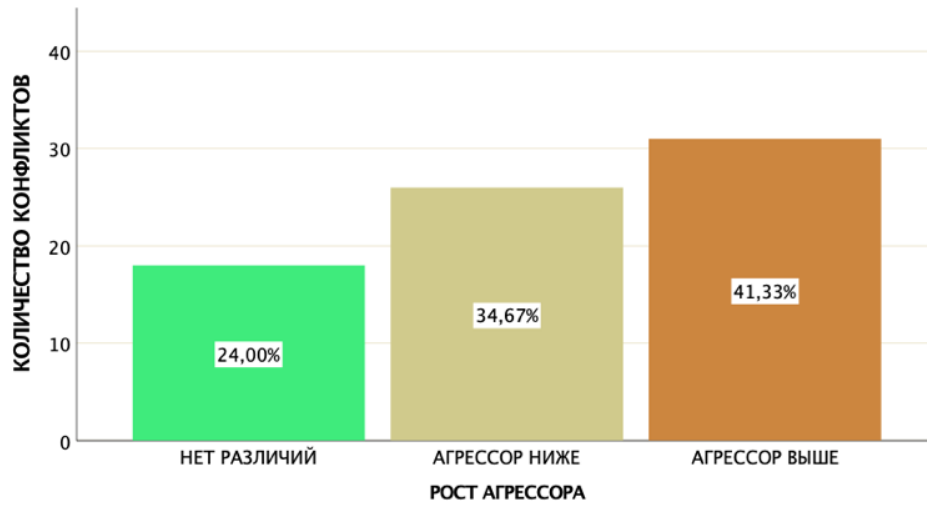

Рис. 6. Соотношение веса агрессора и жертвы

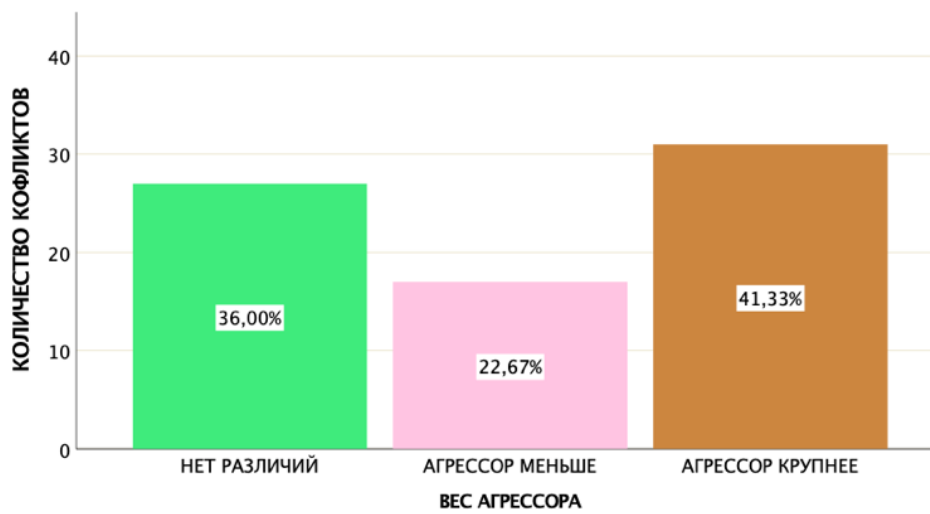
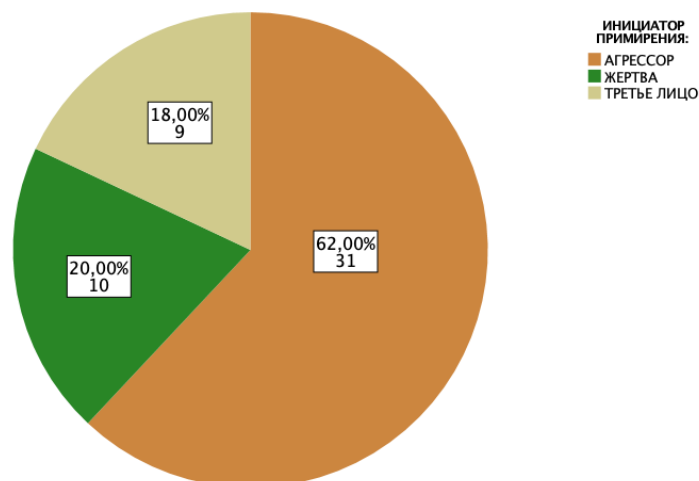

Рис. 7. Инициаторы примирения

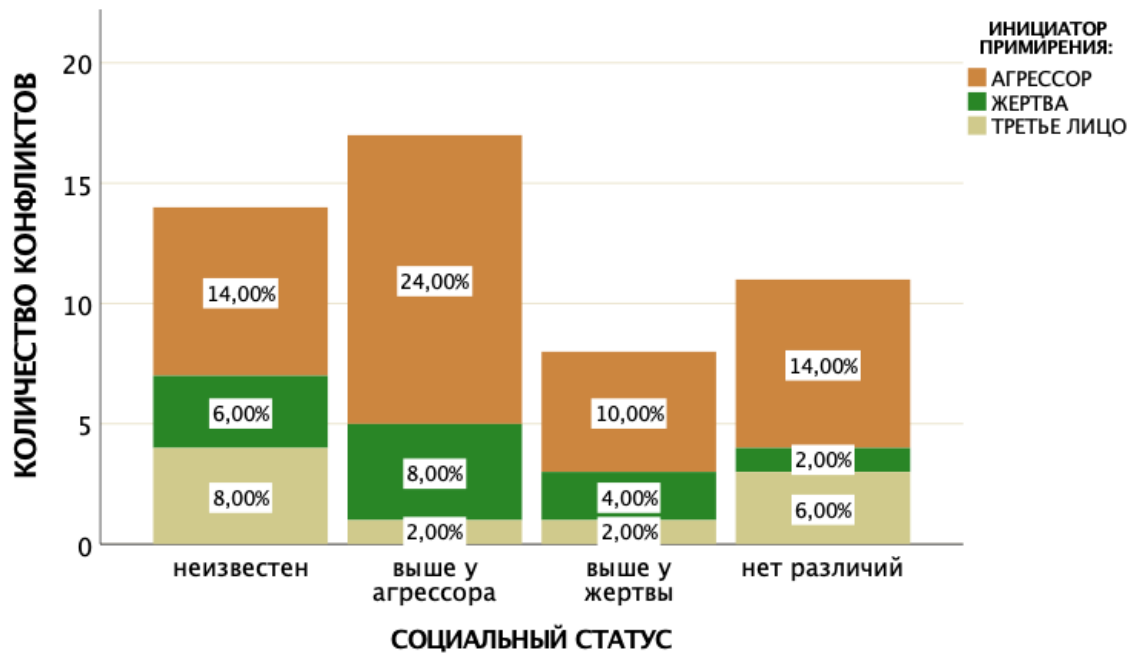
Важную роль в процессе пост-конфликтного взаимодействия играет социальный статус ребенка в группе – на рис.8 показано, что наибольшее количество инициаторов примирения находятся в группе детей с высоким статусом – 24% примирений по инициативе агрессора и 10% примирений по инициативе жертвы (рис. 8). Исследования среди детей и подростков в разных культурах ранее показали, что социальная успешность индивида зависит как от форм агрессии, которые он

использует или не использует по отношению к своим сверстникам, так и от желания и умения мириться, регулировать чужие конфликты и сохранять социальное равновесие в группе (Буркова 2017; Butovskaya et al. 2007). От успешного усвоения правил пост-конфликтного поведения может во многом зависеть популярность ребенка и его социальный статус в коллективе. В ходе эволюции человека развились надежные механизмы снятия социальной напряженности и механизмы, обеспечивающие восстановление социальных

отношений, нарушенных в процессе конфликта (Бутовская, 1998, de Waal, 1996; Cords, Aureli, 2000). Совместное нахождение в группе было важно для выживания индивида, хотя одновременно и приводило к конкуренции за ресурсы. Члены коллектива должны были найти способы разрешения конфликтных ситуаций. По этой причине, механизмы регуляции социальной напряженности являются фундаментальной основой образа жизни любого вида, ведущего групповой образ жизни. Если оба участника конфликта заинтересованы в сохранении тесных связей, с большой долей вероятности можно ожидать примирения сторон. Дети и подростки хорошо осознают, что они живут в коллективе, и вполне умело пользуются механизмами примирения. Исследования поведения примирения среди детей и подростков показывают, что навыки решения конфликтов мирным путем улучшаются

с возрастом (Kolominskii & Zhiznevskii, 1992; Агрессия и мирное сосуществование, 2006). Решение конфликта мирно наименее опасно и более выгодно, так как мирное урегулирование уменьшает агрессию и риск будущего вреда (Bjorkqvist et al., 2000). При этом, часто дети лучше мирятся не с друзьями, как следовало ожидать, а с теми, кто им безразличен (Агрессия и мирное сосуществование, 2006). Хотя дети и верят, что друзья мирятся лучше, на практике оказывается, что знакомые более склонны к примирению (Butovskaya, 2001). В целом можно говорить о том, что дети осознают ценность членов своего коллектива и ощущают общность с ними. Схожие работы также подтверждают, что дети к 7 годам имеют достаточно четкие представления о том, как следует себя вести после конфликта с другими, и их представления четко следуют нормам поведения, принятым в данной культуре (Butovskaya, 2001).

Рис. 8. Взаимосвязь социального статуса и статуса инициатора примирения

Заключение

Полученные в ходе непосредственных наблюдений за мальчиками данные позволяют говорить о том, что такие параметры как размеры тела и социальный статус играют огромную роль в экспрессии агрессивного поведения у детей. В противоположность результатам, полученным с помощью самооценки агрессивного поведения, наши данные показывают, что в большинстве конфликтов агрессор крупнее и выше жертвы, использует более жесткие типы агрессии (по меньшей мере в дошкольном и младшем школьном возрасте). Однако, стоит отметить и высокий потенциал примирения среди детей – большинство конфликтов заканчивается

примирением сторон, которое происходит за короткое время. Инициатором разрешения конфликта чаще становится агрессор, особенно если он имеет высокий социальный статус. В дальнейшем планируется анализ данных, собранных по идентичной программе в группах девочек и смешанных по полу группах.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-09-00461.

Литература:

1. Агрессия и мирное сосуществование: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека. (Под ред. Бутовской М.Л.). М., Научный мир, 2006.
2. Буркова В.Н. Связь агрессии и примирения с социальным статусом школьников в коллективах сверстников // Вопросы психологии, 2017, №5, с.26–41.
3. Буркова В.Н. Хорошего человека должно быть много?: Агрессия и ее связь с размерами тела // Этнографическое обозрение, 2020 (а), №3, с.177–190.
4. Буркова В.Н. Взаимосвязь самооценок агрессивного поведения московских школьников и общих размеров тела // Вопросы психологии, 2020 (б), Т. 66, №4, с.70-80.
5. Буркова В.Н. Исследование взаимосвязи размеров тела и социального статуса детей и подростков в коллективе сверстников (на примере русских школьников) // Science for Education Today, 2020 (в), Т.10, вып. 6, с.74-99.

6. Буркова В.Н., Бутовская М.Л. Размеры тела и их связь с социальным статусом и стратегиями агрессии и примирения у подростков // Человек и среда: актуальные проблемы антропологии и археологии. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием "VII Алексеевские чтения". Казань: Озон, 2017. С. 17.
7. Бутовская, М.Л., 1998, Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов и человека. //Общественные Науки и Современность, 6:149-160.
8. Бутовская М.Л. Современная этология и мифы о нарушенном балансе агрессии-торможения у человека // Общественные науки и современность, 1999, № 4, с.128–134.
9. Бутовская М.Л., Русакова Г.С. Буллинг и буллеры в современной российской школе // Этнографическое обозрение, 2016, №2, с.99-115.
10. Вишневская В.И., Бутовская М.Л. Феномен школьной травли: агрессоры и жертвы в российской школе // Этнографическое обозрение, 2010, №2, с.55-68.
11. Ксенофонта В.А. Морфологические маркеры психических и поведенческих особенностей девушек // Бюллетень медицинских интернет-конференций, 2015, Т. 5, №5, с. 722–725.
12. Atlas R. S., Pepler D. J. Observations of Bullying in the Classroom // The Journal of Educational Research, 1998 92(2), 86–99.
13. Aureli, F. and Smucny, D., 2000, The role of emotion in conflict and conflict resolution. In: Natural Conflict Resolution (F.Aureli, F. and de Waal, eds.), Princeton University Press, Princeton, pp. 199–224.
14. Bergman L.R., Andershed A.K. Predictors and outcomes of persistent or age-limited registered criminal behavior: A 30-year longitudinal study of a Swedish urban population // Aggressive Behavior: Official Journal of the International Society for Research on Aggression, 2009, №35(2), p.164-178.
15. Bin W., Hong-Bo Z., Gang X. Survey on the Behavioral Problems in Children with Obesity from 6 to 11 Years Old // Chinese Mental Health Journal, 2005, Vol. 19, p.679–681.
16. Björkqvist K., Österman K. and Kaukiainen A. Social intelligence–empathy= aggression? // Aggression and violent behavior, 2000, 5(2), p.191-200.
17. Burkova V., Fedenok J., Butovskaya M., Dronova D. Aggression, 2D:4D Ratio and Body Size in Children and Adolescents from 5 Regions of Russia // XXI Conference on Human Ethology. International Society for Human Ethology, Vienna, 13–17 August 2012. Vienna, 2012. P. 199.
18. Butovskaya M.L. Reconciliation after conflicts: ethological analysis of post-conflict interactions in Kalmyk children. In: Cross-Cultural approaches to Aggression and reconciliation. /J.M.Ramirez, D.R.Richardson (eds.). Huntington, N.Y.: NovaScience.,pp. 167-190. 2001.
19. Butovskaya M., Timentschik V., Burkova V. Aggression, Conflict Resolution, Popularity, and Attitude to School in Russian Adolescents // Aggressive Behavior, 2007, Vol. 32, p. 170–183.
20. Butovskaya M.L. et al. Aggression and Polymorphisms in AR, DAT1, DRD2, and COMT Genes in Datoga Pastoralists of Tanzania // Scientific Reports, 2013, Vol. 3, p. 3148.
21. Cords, M., and Aureli, F., 2000, Reconciliation and relationship qualities. In: Natural Conflict Resolution (F.Aureli, F. and de Waal, eds.), Princeton University Press, Princeton, pp. 177-198.
22. Crick N.R., Ostrov J.M., Burr J.E., Cullerton-Sen C., Jansen-Yeh E., Ralston P. A longitudinal study of relational and physical aggression in preschool // Journal of Applied Developmental Psychology, 2006, Vol.27(3), p.254-268.
23. Eysenck H.J., Gudjonsson G.H. Crime and Personality // Eysenck H.J., Gudjonsson G.H. The Causes and Cures of Criminality. Boston: Springer, 1989. P. 43–89.
24. Epstein L.H., Klein K.R., Wisniewski L. Child and Parent Factors That Influence Psychological Problems in Obese Children // International Journal of Eating Disorders, 1995, Vol. 15, p.151–158.
25. Farrington D.P. Early Predictors of Adolescent Aggression and Adult Violence // Violence and Victims, 1989, Vol. 4, p. 79–100.
26. Ferguson C.J., Wang J.C. Aggressive video games are not a risk factor for future aggression in youth: A longitudinal study // Journal of youth and adolescence, 2019, Vol. 48(8), p.1439-1451.
27. Gallup A.C., Wilson D.S. Body Mass Index (BMI) and Peer Aggression in Adolescent Females: An Evolutionary Perspective // Journal of Social, Evolutionary, and Cultural Psychology, 2009, Vol. 3 (4), p.356–362.
28. Huesmann L.R., Dubow E.F., Boxer P. Continuity of aggression from childhood to early adulthood as a predictor of life outcomes: Implications for the adolescent-limited and life-course-persistent models // Aggressive Behavior: Official Journal of the International Society for Research on Aggression, 2009, vol.35(2), p.136-149.
29. Kim S. The long-term effects of being bullied or a bully in adolescence on development outcomes in early adulthood // In: Forum for youth culture (2018, Vol. 54, pp. 39-66). Research Center For Korean Youth Culture.
30. Klein J., Cornell D., Konold T. Relationships between bullying, school climate, and student risk behaviors // School Psychology Quarterly, 2012, vol. 27(3), p.154.
31. Kolominskii, I.L. and Zhiznevskii, B.P.A sociopsychological analysis of conflicts among children during play // Journal of Russian & East European Psychology, 1992, 30(5), pp.72-86.
32. Lefkowitz, Monroe M., Leonard D. Eron, Leopold O. Walder. Growing up to be violent: A longitudinal study of the development of aggression. Vol. 66. Elsevier, 2013.
33. Olweus D. Aggression in the Schools: Bullies and Whipping Boys. Washington: Hemisphere, 1978.
34. Pearce M.J., Boergers J., Prinstein M.J. Adolescent Obesity, Overt and Relational Peer Victimization, and Romantic Relationships // Obesity Research, 2002, Vol. 10, p. 386–393.
35. Pinhey T.K. A Research Note on Body Mass, Physical Aggression, and the Competitiveness of Asian-Pacific Islander Adolescents in Guam // Social Biology, 2002, Vol. 49, p. 90–98.
36. Raine A. et al. Fearlessness, Stimulation-Seeking, and Large Body Size at Age 3 Years as Early Predispositions to Childhood Aggression at Age 11 Years // Archives of General Psychiatry, 1998, Vol. 55 (8), p. 745–751.

37. Sanson D.W. et al. Relationship of Body Composition of Mature Ewes with Condition Score and Body Weight // *Journal of Animal Science*, 1993, Vol. 71 (5), p. 1112–1116.
38. Schott, Robin May, and Dorte Marie Søndergaard, eds. *School bullying: New theories in context*. Cambridge University Press, 2014.
39. Sharp S., Smith P. *School bullying: Insights and perspectives*. Routledge, 2002.
40. Shasby G. A Study of Behavior and Body Type in Troubled Youth // *Journal of School Health*, 1978, Vol. 213 (48), p. 103–107.
41. Sheldon W.H. *Varieties of Delinquent Youth: An Introduction to Constitutional Psychiatry*. N.Y.: Harper, 1949.
42. Tremblay R.E. et al. Testosterone, Physical Aggression, Dominance, and Physical Development in Early Adolescence // *International Journal of Behavioral Development*, 1998, Vol. 22 (4), p. 753–777.
43. Vila G. et al. Mental Disorders in Obese Children and Adolescents // *Psychosomatic Medicine*, 2004, Vol. 66, p. 387–394.
44. de Waal, F.B.M., 1996, *The origins of right and wrong in humans and other animals*. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts.
45. Wilson J.Q., Herrnstein R.J. *Crime Human Nature: The Definitive Study of the Causes of Crime*. N.Y.: Simon and Schuster, 1998.